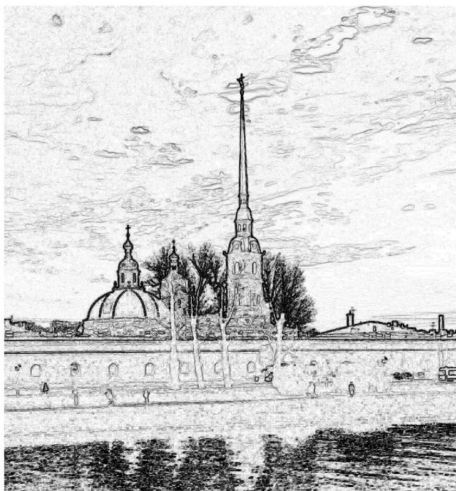

Лариса Репина

НОВАБРЬСКИЙ СПЛИН

Репина Лариса

Ноябрьский сплин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69003511

SelfPub; 2023

Аннотация

...Ксения не любила ноябрь. Тревога, раздражение и отвратительное настроение изменили её планы выходного дня, и она неожиданно отправилась гулять по Петербургу. Город оказался так созвучен ей, а ноябрь удивительным образом так подходил его облику. И она как будто заново открывала так хорошо знакомые места. Она ещё не знала, что через несколько минут случайная встреча изменит всё...

Репина Лариса

Ноябрьский сплин

Ноябрь постепенно овладел пространством, начав захватывать территорию вокруг, затем незаметно пробрался в дом и теперь безжалостно проникал внутрь. Его характерный оттенок серого, унылая мелодия с преобладанием навязчивой ноты «ми», вкус невыплаканных слёз и запах холодного ветра уже не первый день делали свое дело – нагоняли тоску и грозили депрессией. Воздух ноября был тяжелым и вязким, наполненным влагой. Его не хотелось вдыхать полной грудью. Дышать вообще не хотелось, и оттого краски вокруг меркли, мысли переставали шевелиться, и непонятная тревога поселялась внутри. Смотреть тоже не хотелось. Никуда! Поэтому, наверное, по утрам так тяжело открывались глаза. Вместе с этим пришла лень. Она тяжелым грузом навалилась сверху и не давала шевелиться.

Ксения уже не первый день боролась с ноябрём всеми известными ей способами. А их в ее арсенале было немало. Она держала оптимизм включенным на полную катушку, с повышенной активностью заполняла каждый промозглый ноябрьский день работой и разными делами, нужными и не нужными, не давала появляться грустным мыслям и старалась любить себя бесконечно! Не жалела, жалеть нельзя! Для

того чтобы «любить», нужны были желания, а еще лучше, если бы появилась мечта. И эти желания обязательно должны были исполниться! Но вот беда – желания не только не появлялись, они постепенно исчезали! Даже те, которые обычно были спрятаны «про запас», но оставались «под рукой». Теперь они безнадежно потерялись. Ксения даже не могла вспомнить, чего ей недавно хотелось. Ну а мечта? Мечты всегда исполнялись и про запас не оставлялись! А новой мечте появиться мешал ноябрь. В итоге круг замкнулся, и наступило опустошение. Она устала.

Ксения, девушка в возрасте «немного за тридцать», была современной красивой и успешной. Она добивалась в жизни всего, чего хотела, ставила цели и уверенно шла к их достижению. Этому она научилась ещё в школе, когда на финише замаячила золотая медаль, и она решила её обязательно получить. Родители помогали, как могли, создавали условия, окружали вниманием и заботой, лишь бы их девочка была лучшей. Но дать ей для этого много не могли. Жили в хрущёвке в тесной квартирке, давно требовавшей ремонта. Начавшаяся Перестройка обесценила все сбережения молодых инженеров и разрушила надежды. Предприятия-гиганты, на которых работали родители, затормозились в своем развитии, пока вовсе не остановились. Зарплату задерживали. Папа принимал любые заказы на ремонт всего, что можно было починить его умелыми руками. А мама пошла на

рынок, торговать товаром, привезенным из-за границы «челноками». Мама изо всех сил старалась наряжать свою Ксюшеньку, благо могла выбрать на рынке вещи посимпатичнее, да подешевле. Но Ксения прекрасно понимала, что её одежда «на золото не тянет».

Впрочем, Ксения на родителей не обижалась и невозможного не требовала. Во-первых, она их любила. А, во-вторых, была ими, родителями, хорошо воспитана. Она была от природы наделена умом, росла послушной девочкой и прекрасно усвоила правила поведения и хорошего тона. Эти правила стали для неё пропуском в светлое будущее. Ее любили учителя и уважали одноклассники. Она была со всеми приветлива и доброжелательна, никогда не заносилась, несмотря на свои высокие успехи в учебе, не отказывалась ни от общественных нагрузок, ни от вечеринок с друзьями.

Благодаря своим внешним данным, умением держаться с достоинством, но без вызова, она для всех была интересна и привлекательна, а природный такт, острый ум и интуиция позволяли ей легко общаться, но держаться особнячком. Она для всех оставалась немножко загадкой, а потому ей позволяли быть не такой, как все. Она умела находить со всеми общий язык, никого при этом, близко не подпуская к себе. Еще не осознав, что она это умеет, она научилась держать с окружающими нужную дистанцию. Она не кидалась в омут событий, а всегда оставалась сторонним наблюдателем, так что «потерять голову» ей не грозило! При этом она

неустанно трудилась, добывая свое «золото», а заодно приобретала не только знания, но ещё усидчивость, работоспособность и терпение. И на широкую дорогу жизни она вышла блистательной золотой медалисткой.

Получив вожделенную медаль, Ксения поняла, что она многое может. Теперь ей предстояло разобраться, что ей надо. Оглядевшись, она поняла, что жить так, как живут её родители, она не хочет. Мир вокруг велик и интересен, и ограничивать его какими бы то ни было рамками она не собиралась. А как избавиться от рамок? Она очень скоро поняла, что для этого нужны деньги. Их должно быть столько, чтобы о них можно было не думать, и тогда усвоенный ею в детстве родительский постулат «не в деньгах счастье» вполне впишется в жизнь «без рамок».

Чтобы иметь деньги, надо было получить хорошее образование и найти хорошую работу. Это она тоже усвоила благодаря родительским нравоучениям, хотя ей казалось, что она дошла до этого сама. Ведь это же так очевидно!

Специальность она выбирала самостоятельно. Конечно, надо стать хорошим экономистом, потому что экономика – основа процветания даже в государственном масштабе. Поступив в Университет, она вновь, как в школе, привлекла к себе внимание преподавателей, а потому перед ней еще в студенчестве стали открываться интересные возможности. Она принимала участие в научных конференциях, выставках, общалась с лучшими специалистами в разных областях

экономики и вскоре была замечена и отмечена, как «подающий надежды молодой специалист».

Вопреки мечтам профессорско-преподавательского состава в Аспирантуру она не пошла. Ей не терпелось применить свои знания на практике и стать материально независимой. И она, благодаря рекомендациям, легко получила место в большой русско-австрийской компании и уже к тридцати годам возглавила отдел маркетинга.

К этому времени из маминой «Ксюшеньки» она превратилась в уважаемую всеми Ксению Владимировну, ездила по делам компании по России и часто бывала в зарубежных командировках. У неё была уютная ипотечная квартирка в хорошем районе, недалеко от центра, и последняя модель автомобиля Пежо. Работа заполняла дни рабочей недели до отказа, в выходные она посещала популярные выставки, концерты и театры, а отпуск проводила на разных мировых курортах или отправлялась в туристическое путешествие знакомиться с всемирно известными достопримечательностями. При этом она успевала следить за своим здоровьем и внешним видом, регулярно посещая салоны красоты и фитнес клуб и покупая себе модные обновки.

Помимо полученного высшего экономического образования, Ксения продолжала постоянно учиться. Она отлично владела английским языком, знала немецкий, изучала итальянский и планировала выучить после него французский. А ещё она посещала психологические тренинги и разные ма-

стер классы.

Молодые и не очень молодые люди всегда проявляли к Ксении интерес, но, научившись еще в юности держать дистанцию, она красиво принимала их ухаживания, однако не переходила границу в общении, если ей вдруг самой не хотелось близости. В деньгах ухажеров Ксения не нуждалась. Ей интересны были личности, а потому она либо избавлялась от новых знакомых после нескольких свиданий, либо переводила их в разряд друзей. Иногда всё же случались интимные истории, но, как только тело переставало реагировать выбросом гормонов, а в отношениях начинали появляться бытовые проблемы, Ксения завершала эти «связи для души», как говорила её школьная подруга Вика.

Кстати, о подругах. Их в жизни Ксении почти не было. С Викторией они жили по соседству в детстве, а потому росли вместе. Они оказались рядом в том возрасте, когда у девочек появляются секреты, делиться которыми можно только с самыми близкими людьми, но не с родителями. Пройдя испытание этими детскими секретами, они остались подругами. Однако в какой-то момент их дороги разошлись.

Вика росла очень впечатлительной романтической девочкой, а потому, в отличие от Ксении, она постоянно «теряла голову». В основном от любви. Поэтому не удивительно, что она рано выскочила замуж, и теперь у неё уже подрос тал пятилетний сынишка Максим, а с мужем Витькой она время от времени собиралась разводиться. С Викторией Ксения

встречалась, когда у той появлялось необходимость, желание и возможность, всегда стараясь выкроить для этого время в своем насыщенном расписании. Вика приходила на встречу с кучей проблем и разом выплескивала их на Ксению. Поначалу Ксения пыталась в них разобраться, предлагала разные выходы из ситуаций, но потом поняла, что подруга в ее советах не нуждается! Проблемы из разряда «все пропало, шеф» были у Вики безвыходными, но потом как-то разрешались сами собой и к следующему общению с «Ксенькой» она о них уже забывала. И «Ксенька» постепенно пришла к выводу, что Вике просто надо дать возможность выплеснуть эмоции, и мужественно принимала на себя эту лавину чужих чувств и проблем. Переваривая их затем в одиночестве, она задавала себе вопрос: какой будет её семья? И понимала, что ответ на него она сознательно отодвигает.

После двадцати пяти Ксения стала задумываться о браке. Родители напоминали о том, что пора заводить семью и рожать им внуков. Знакомые друг за другом женились. А все Ксенины кавалеры желания выйти за них замуж не вызывали. По разным причинам они не вписывались в идеальный образ семьи, который, к тому же, похоже, еще не сложился в её сознании. И что интересно, чем старше становилась Ксения, тем более туманным становился этот неуловимый идеал. А после тридцати она вдруг поняла, что в её устоявшейся жизни совсем нет места для семьи. Обеды, магазины, грязное белье в доме, чужие вещи не на своем месте! За-

чем ей ради всего этого ломать всё, что годами создавалось ее «непосильным трудом» и, наконец, сложилось в «идеальную жизнь», без рамок и границ, о которой Ксения мечтала и в которой была вполне счастлива. Оставался лишь один вопрос, который иногда беспокоил, особенно когда накатывала грусть.

Будучи успешной во всем, Ксения прекрасно понимала, что есть ещё одно главное дело, которое ей предстоит сделать в жизни. Она должна стать матерью, а это желательно сделать в идеальной семье, потому что ребёнок должен расти в любви и согласии между родителями. Это она тоже с детства усвоила и на своем примере тысячу раз была готова подписаться под этим. Поэтому вопрос о семье оставался у Ксении, по-прежнему, открытым, но отодвигался «на потом».

В общем, жила Ксения, хорошо, пожаловаться было не на что. Вот только осень! Осень она никогда не любила. Уже с конца августа она начинала испытывать внутри свой ежегодный осенний дискомфорт, а потому именно в сентябре она обычно отправлялась в тёплые края. Там, под лазурным южным небом, под аккомпанемент морского прибоя, лёжа на золотом песке, удавалось немного успокоить душу. Когда она возвращалась, буйство осенних красок природы бальзамом ложилось на согретую солнцем душу и не давало сразу остыть. А потом наступал ноябрь!

В это субботнее ноябрьское утро Ксения проснулась, как

обычно, рано. Она с детства приучила себя к этому. Каким бы ни был накануне вечер, она не давала себе поспать дольше обычного, иначе ничего не успеешь! Долго нежиться в постели тоже было не в её правилах. А потому, полежав с закрытыми глазами, и успев ощутить внутри ноябрьский сплин, она, все же, сделала усилие, открыла глаза, поднялась с кровати и побрела в ванную комнату.

Душ помог взбодриться только телу, однако походка уверенности не обрела. Ксения пошла на кухню, на автомате приготовила порцию привычной «здоровой пищи» – мюсли с молоком. Съев машинально ложку, взглянула в миску и убрала её в холодильник. Завтракать не хотелось. Она сварила кофе и зажарила в тостере гренку. Взглянула в бизнес план. В 10 часов бассейн, затем СПА процедуры, массаж, маникюр. В бассейн можно не ходить, а вот все остальное придется переносить. Звонить еще было рано, и Ксения с ногами забралась на диван, укутавшись пледом и взяв со столика книжку.

Но слова проскакивали мимо сознания. Проклятый сплин умудрялся их растворять в потоке ненужных мыслей. Мысли были бессмысленными и неопределенными, а еще какими-то гнусными. Или гнусавыми? Отчего-то защекотало в носу. Ксении вдруг нестерпимо стало жалко себя. Одиночество перехватило горло. Захотелось в детство, туда в маленькую хрущёвскую квартирку. Забраться на продавленный диван, прижаться к теплой маме и посмотреть вместе какой-ни-

будь «видик» с Ричардом Гиром. Ну, или даже «мыльную оперу» вроде «Мануэлы» или «Дикой Розы», которые мама тогда смотрела по телевизору.

Давно уже родители переехали в новую квартиру, старый диван отправился на помойку, а о существовании видеомагнитофонов вовсе забыли. Поехать к маме? Нет! Она сразу заметит, что Ксюша сегодня не в духе. Наверное, у нее что-то случилось. Будет суетиться, переживать, но непременно перейдет к главной волнующей теме: пора дочке замуж. И начнутся нравоучения с примерами из жизни соседок и знакомых. У одних дети удачно обзавелись семьей и родили ребёночка, а у других, когда собрались завести ребёнка, теперь никак ничего не получается. Ксения терпеть не могла эти разговоры! Мама это прекрасно знала, но, видимо её эта проблема так беспокоила, что она ничего не могла с собой поделать. Поэтому Ксения старалась не раздражаться, а переводила всё в шутку, обязательно чем-нибудь веселила маму и придумывала интересные для них обоих развлечения.

Но сегодня ничего не хотелось. Днём она собиралась на выставку в галерею на канале Грибоедова. Может быть, там ей удастся отвлечься и погрузиться в мир ярких красок молодого дарования? По крайней мере, читая анонс выставки, ей показалось, что художник смотрит на мир с оптимизмом и задором. Главное, без минора, который мог бы оказаться сейчас созвучным состоянию её души и войти с ней в резонанс.

Да, надо встать и пойти на выставку. Зачем ждать? Пока она соберётся и доберётся, выставочный зал как раз откроется! В крайнем случае, можно будет зайти посидеть в кофейне. И Ксения решительно встала с дивана.

Принятое решение несколько оживило. Она подошла к зеркалу. Немного тональной пудры, несколько взмахов щеточкой туши. Ещё, пожалуй, чуть-чуть кисточкой по щекам – сначала румяна, затем хайлайтер. Ну вот! Лицо немножко встало на место. В глазах мелькнул огонёк. Ксения любила хорошую косметику и качественный макияж. Они всегда поднимали настроение.

Она открыла шкаф. Мягкий светло бежевый свитер из ангоры приятно согревал уже своим видом. Это было то, что нужно. Она бережно расправила его на себе и ощутила нежное трикотажное прикосновение, затем втиснула себя в светло голубые джинсы и взглянула в зеркало. На неё смотрела стройная блондинка с грустными светло-серыми глазами. Гладкие и блестящие волосы с золотистым отливом струились по печам. Она взяла щетку, нежно провела по ним и, мотнув головой, откинула назад. Все было неплохо. Пастельные оттенки в облике приглушали серые краски ноября и немного успокаивали.

Но светлый облик в зеркале остался за дверью на девятом этаже, а на улице ждала осенняя промозглость. Даже еще не успев проникнуть под теплый пуховик, она сразу вернула в исходное утреннее состояние. Хотя здесь утро еще не насту-

пило. На улице было темно и безлюдно. Нормальные люди в этот выходной день ещё отсыпались в своих тёплых кроватях, а ее куда-то несло!

Она щелкнула кнопкой автомобильного ключа еще изда-лека, подходя к машине, открыла дверь в салон и села на сиденье. Отяжелевшие руки легли на руль. Всего нескольких шагов хватило, чтобы лень опять навалилась всем своим грузом. Да что же это такое! В конце концов, надо «взять себя в руки»! Ей вдруг стало не по себе! Какое странное и нелепое выражение! Она представила, как «берёт себя в руки и вытаскивает из машины». А дальше-то что делать с собой в руках? Куда себя нести? Должен же быть хоть какой-то смысл в этом бестолковом выражении? Интересно, а что подразумевают те, кто любит давать подобные советы?

Пока её развлекали эти мысли, она снова немного встрепенулась. И вдруг ухватила в потоке бессмысленного сознания шальную мысль. Надо «вытащить себя из машины» и отправиться гулять. Она отработанным годами и неосознаваемым грациозным движением тела тут же вышла из машины, не дав себе ещё раз подумать над этой внезапной мыслью, захлопнула дверь, не оборачиваясь, щелкнула ключом и направилась к выходу из охраняемой территории закрытого двора.

До метро пешком – минут пятнадцать. На улице очень скоро внезапный запал прошел. Холод проникал внутрь, и Ксения, кутаясь в шарф, злилась на себя, но продолжала ша-

гать в темноте. Это было похоже на акт мазохизма. Она словно надеялась, что сознательно принятые мучения должны принести облегчение.

В метро было немногочленно. Как же давно она не спускалась под землю! Наверное, это была, всё же, неплохая идея – «вытащить себя из машины». С этой мыслью Ксения ступила на ленту эскалатора и с любопытством огляделась вокруг. Казалось, что это только для неё все интересно. Хмурые пассажиры безучастно смотрели в свои телефоны или в пространство и не замечали друг друга. Мелькали довольно мрачные лица людей на соседнем эскалаторе и навсегда исчезали где-то за её спиной. Ксения прищурила взгляд, и всё слилось в безликую серую массу. Наверное, ноябрь успел проникнуть и сюда, под землю, от того люди такие унылые. Значит, всё же, никому никуда от него не спрятаться!

Ксения вышла на станции «Гостиный двор» и неожиданно оказалась в галерее торгового центра. Она так давно не ездила на метро, что забыла посмотреть, куда ведёт выход. Шла по наитию. Ну что ж, значит так надо. Ведь ей, собственно, никуда не надо!

Красная башня Городской Думы торжественно возникла на пути, на мгновение заслонив начинающее пробуждаться серое небо. И Ксения от души вдруг вздохнула полной грудью. Невский! Почему она так давно здесь не была? Как раньше, когда бежала на Невский просто так, чтобы посмот-

реть по сторонам и ощутить его неповторимую атмосферу! Как же она любила эти выдавшиеся свободные минуты, которые заполнял Невский, своей изысканной архитектурой, рекламными витринами, суетой, спешащими и праздно гуляющими прохожими. Когда и почему она перестала бегать гулять на Невский? Нет, конечно, она бывала здесь, но перестала его чувствовать, потому что из праздно гуляющей превратилась в вечно бегущую.

Ксения подошла к краю тротуара и взгляделась вдаль, туда, где Адмиралтейство своими изысканными линиями классики заслоняет горизонт, не первое столетие вонзая золотую иглу шпиля в серое петербургское небо! Величественный город безмолвно следит, как суетятся люди, спеша уложить в отпущенные им десятилетия бесконечное количество бессмысленных дел.

Ксения медленно двинулась вперёд, не попадая в ритм современного города, вглядываясь в фасады зданий и прислушиваясь к духу Невского. Петербург не потерял своего величия и достоинства в ноябре. Еще классики заметили, что гранитно-серый колорит ему к лицу. И всё же, пелена ноябрьской грусти лежала на городе, была небрежно накинута на плечи, а веки были слегка прикрыты. Огонька и задора не было во взоре, и всё это было созвучно минорному настроению Ксении. Она почувствовала себя на одной волне с городом и не могла надышаться его осенним запахом, как будто и впрямь давно не дышала.

Она не свернула на канале Грибоедова. Ей хотелось пройти мимо бесконечной колоннады Казанского собора, широко полукругом развернутой к Невскому. Эти колонны годами приобретали свой серо-зеленый оттенок, но при этом они подстраивались под настроение города и сегодня тоже были ноябрьские. Ксения побродила между колоннами, выстроившимися в два ряда. Здесь ей показалось, что она вдруг оказалась в лабиринте. Современный город оставался снаружи, а она блуждала от колонны к колонне, трогала их руками, и оставалась невидимой и безразличной для всего света.

Она пошла дальше. Строгановский дворец, возникший на пути, зазвучал неожиданно громко, выбиваясь из общей тональности. Он вызывающе не вписывался в ноябрь! Его розовый цвет хоть и приглушён был ноябрьской вуалью, но бесконечные барочные детали дерзко сопротивлялись, не желая принять нудно звучащую ноту «ми» и унылую серость пространства! Ксения вдруг подумала, что с этим зданием происходит то же самое, что творится с ней. Но почему-то она не приняла его сторону. Она вдруг поняла, что уже не готова сопротивляться. Ей не хотелось в этом признаться, но ей нравился ноябрьский город. Петербург призывал к смирению, она отдалась его власти и приняла то, с чем отчаянно боролась последние дни.

Отправившись дальше по набережной Мойки, Ксения сознательно не свернула на Дворцовую площадь. Её размах и бирюзовый барочный Зимний снова войдут в диссонанс с

ноябрем. Она лишь кинула взгляд на громаду Александровской колонны, показавшейся в проеме между зданием Главного штаба и Гвардейским корпусом. Серый Ангел над городом, склонив голову, преклонялся перед его величием. Но сегодня Ксения почувствовала, что и он призывает её к смирению.

Она вышла к Зимней канавке и, спустившись к воде по узким ступеням, уводящим на дно, долго стояла у самого края, глядя на свинцовую воду, гладь которой трепал ноябрь. «Пожалуй, это очень ноябрьское место!» – подумала Ксения. Здесь было тревожно. Романтично тревожно, волнительно! Так бывает, когда чего-то ждешь, но не знаешь, чем обернется ожидание. Она поднялась и еще несколько минут любовалась изгибами Эрмитажного моста и арочными очертаниями проемов, сквозь которые снова была видна вода. Город вёл ее к Неве. И сердце учащенно забилося.

Нет, Петербург, несомненно, душевный город! Раньше Ксения была уверена, что чувствует Петербург. А сегодня она вдруг подумала, что это Петербург чувствует её! И сейчас волна восторга поднялась изнутри, безжалостно затопив все утренние гнусные и гнусавые мысли. Перед ней, стянутая в гранитный корсет, неспешно двигалась Нева. Над Невой нависала гранитная стена крепости и высоко поднятая в небо колокольня Петропавловского собора. Золотой Ангел с небес уже ни к чему не призывал. Он просто распахнул свои крылья и принимал в свои объятия всех, кто нуждался.

Ксения нуждалась.

Она двигалась вдоль расположенной на противоположном берегу крепости, не отводя взгляда от Ангела. Прямо напротив собора она остановилась, достала, телефон, нажала на кнопку камеры. В рамке телефона оказался хорошо известный всему миру фрагмент Петербурга. Фотография на память! На память о том моменте, когда Ангел принял её в свои объятия.

Продолжая смотреть на Ангела, она пошла дальше, к Троицкому мосту, на ходу, не глядя, пытаясь засунуть в сумочку телефон. И в этот момент что-то произошло.

Ксения почувствовала внезапный толчок в правое плечо и в следующее мгновение грохнулась на асфальт. Она, ничего еще не понимая, лишь успела подумать: «С небес на землю!». И вдруг закрыла лицо руками и заплакала. Слезы лились сами, выкатываясь из глаз, но выходили откуда-то изнутри, кажется, через горло. Ксения чувствовала облегчение, как от вскрывшегося нарыва. Она продолжала сидеть на асфальте и тихо всхлипывать. Ей хотелось выплакать все, но она даже не понимала что – то ли мучавшую ее хандру, то ли переполнивший ее поток эмоций от встречи с Петербургом. Да это было и не важно! С каждым всхлипом наступало какое-то умиротворение, и ей было хорошо!

– Простите, простите меня! Вам очень больно? Господи, да не молчите, скажите что-нибудь! Скорую вызвать? – вдруг

услышала Ксения чей-то голос рядом.

Она отвела от лица руки и увидела прямо перед собой молодого человека со страдальческим выражением лица. Он присел около неё и сжимал в руках её сумочку. Он уже несколько минут молил о прощении, а она ничего не слышала. Ксения перестала всхлипывать и с недоумением посмотрела на юношу.

– Что у Вас болит? – беспокойно спросил он.

– Ничего вроде!

– Слава Богу! А почему Вы плачете?

Она не ответила, продолжая сидеть.

– Вот, Ваша сумочка! Она отлетела, и все рассыпалось, а я собрал, – он протянул ей сумку. – Проверьте!

Она взяла сумку и сделала попытку подняться.

– Подождите, давайте я Вам помогу.

Ксения не успела возразить, как он её подхватил и поставил на ноги. Ксения постаралась заглянуть назад, на свой светлый пуховик. Асфальт оставил на нем внушительный серый отпечаток. Ксения открыла сумку и стала искать влажные салфетки.

– Проверьте, проверьте, – повторил юноша. – Там и карты Ваши, и ключи, и телефон, всё разлетелось. Я все собрал, но мало ли.

Ксения вытащила пакетик с салфетками, и попробовала потереть куртку, пытаясь перетянуть вперёд заднюю часть. Ничего не получалось.

– Помогите, пожалуйста, – попросила она.

– Конечно, давайте.

Молодой человек взял из её рук салфетки и старательно начал оттирать грязь.

– Получается? – спросила она.

– Вроде, – пожал плечами он.

Парень очень старался. Ксения рассматривала его. Правда, лица сейчас почти не было видно, к тому же, капюшон был натянут на голову.

– Ну, всё, хватит! Оставьте! Грязь сняли и ладно! Лучше не будет! – наконец сказала она. Ей не терпелось снова увидеть его лицо.

Он показал ей грязные салфетки и тут же сунул их в карман своей куртки, протянув пакетик с оставшимися.

Паренёк оказался очень худым и высоким и показался Ксении совсем юным. Большая часть его тела приходилась на бесконечно длинные ноги в темно синих джинсах, торчавшие из под короткой куртки. Черного цвета куртка была явно не по погоде, одетая под ней толстовка была натянута почти до линии рта, а голова вжата в плечи. Парню явно было холодно, но тёмные глаза на бледном лице оставались живыми, искренне излучая озабоченность и сочувствие.

– Проверили, все на месте?

Ксения усмехнулась и открыла сумку. Телефон, кошелёк, ключи. Всё, хоть и было не на месте, но присутствовало. И, конечно, тоже требовало обработки. Ксения снова достала

салфетки и протерла испачканные руки.

– Угораздило же меня растянуться! – проворчала она, представив, как она падала на глазах у юноши.

– Это я во всём виноват! – воскликнул тот.

Ксения удивленно на него посмотрела.

– Я шёл и глядел в телефон, а Вас не заметил! – с сожалением в голосе признался парень.

– А я глядела на Ангела, – тихо вздохнула Ксения.

– На кого? – теперь удивился её собеседник.

Ксения взмахнула рукой, указывая на шпиль Петропавловки.

– На него смотрела, – улыбнулась она.

– Ах, ну да, – засмутился юноша и как-то странно посмотрел на Ангела, как будто извиняясь, что он еще и Ангела не заметил.

Они помолчали, продолжая стоять друг против друга. В это хмурое утро никого кроме них не было видно на набережной. Ксения удивилась, как им двоим оказалось тесно на пустой улице.

– Ну как Вы? Точно не нужно к врачу, – еще раз поинтересовался парень, прервав молчание.

– Нет, всё нормально, – Ксения улыбнулась,

– Может быть, тогда вызвать такси?

– Да не беспокойтесь, спасибо. Я пойду.

– Тогда можно я Вас провожу, хотя бы. Куда Вам надо?

Ей никуда не надо было. И она честно пожала плечами.

– Не беспокойтесь, идите!

– Да мне тоже не особо куда надо.

И они медленно двинулись по набережной.

Они дошли до Троицкого моста, элегантного своими неповторимыми фонарями. Утро, наконец, разошлось. Наступающий день набирал новые оттенки серого. Мраморный дворец вместе с развернутым над ним небесным полотном, кажется, представлял полную их палитру. Тёмная Нева неспешно шла к морю. Ксения и ее спутник шли против течения. Наперекор? Вопреки?

Его звали Кирилл, он оказался младше Ксении всего на год, ему было 32. Он был обычным парнем, и Ксения почему-то совсем не удивилась, что он увлечен компьютерами и современными технологиями. Однако модное слово «ай-тишник» он не употребил, рассказывая о себе. С работой у Кирилла как-то не складывалось. Сейчас он в основном выполнял заказы для разных компаний «на удаленке». А чем занимался в свободное время? Тоже компьютерами! Были у него какие-то идеи, он работал над созданием программ, облегчающих разным пользователям поисковые задачи в сети. И, хотя Ксении было не очень понятно, зачем они нужны пользователям, она заметила, что Кирилл оживает, когда начинает говорить о программах, хранилищах данных и потоках информации. И ей почему-то это нравилось.

Его родители жили в области, а потому еще с институт-

ских времен Кирилл перебрался в Петербурге. Сначала в общежитие, а затем стал снимать с приятелем квартиру на Васильевском острове. Там они и живут до сих пор холостяками. По молодости Кирилл увлекался современной музыкой, был популярным в своей среде ди-джемем. Ну а сейчас, постарел, наверное! Не тянет.

Он, похоже, немного успокоился после их внезапного столкновения и перестал суетиться. От этого стал выглядеть солиднее. Незаметно они перешли на «ты».

Красноречивым собеседником Кирилла сложно было назвать. Ксения задавала вопросы, а он охотно отвечал. Но очень односложно, по-мужски. Ей, впрочем, не было особо любопытно, а потому иногда она замолкала. Он не развлекал ее, не острил и не заигрывал. И, пожалуй, ни о чем не расспрашивал. Тоже молчал. Ксения вдруг поймала себя на мысли, что ей легко молчать с этим парнем, шагающим с ней рядом.

Слева за Лебяжьей канавкой темнел Летний сад. Деревья в хаотичном переплетении ветвей рисовали на фоне неба затейливый ажурный узор, сливаясь в полупрозрачный мурар. Замок несчастного «Русского Гамлета», воплотившаяся мечта которого обернулась смертью, замаячил на горизонте. Прошло более двух веков, но угрюмость не покинула эти стены, несмотря на величие и грацию.

Когда они вышли на угол Садовой и Невского, Ксения вдруг поняла, что скоро метро и, вероятно, им придется рас-

статья. А Кирилл совершенно неожиданно вдруг решительно заявил:

– Так, Ксения! Ты замерзла! Пошли греться куда-нибудь! Давай в «Брынзу» зайдем. А я не только замерз, но и проголодался!

И потом, заглянул в её глаза и добавил:

– Пожалуйста, не отказывай!

Чебуречная «Брынза» не была тем местом, куда ходила перекусить Ксения. Несмотря на заказ блюд, здесь всё же царила атмосфера общепита. Да и аппетитные чебуреки, главное блюдо сетевого заведения, явно не были полезной едой, а Ксения, с некоторых пор, заботилась о здоровом питании, хотя и без фанатизма. Но сегодня всё было не по правилам, а потому она не стала отказываться и возражать.

В кафе было шумно и не оказалось мест. Оно явно пользовалось популярностью благодаря своей демократичности и приемлемым ценам. Кирилл огорчился. Они вышли на улицу.

– Ну и куда бы нам сходить? – озадаченно произнес Кирилл.

Ксения, конечно же, в другой ситуации предложила бы расположенный на другой стороне улицы ресторан Del Mar. Но воздержалась. Она только успела с усмешкой подумать, что к ее сегодняшним приключениям подошёл бы Макдоналдс, как Кирилл произнёс, продолжая рассуждать вслух:

– Можно в Макдоналдс, в Перинных рядах у Думы.

Ксения улыбнулась:

– Давай.

Круг замкнулся. Ксения вновь оказалась у здания Думы, где нахлынули воспоминания юности о Невском проспекте. Теперь они, вероятно, получают продолжение. В 90-х, когда ресторан Макдоналдс только появился в России, это был невероятно. Посещение Макдоналдса стало праздником. Ксения вспомнила их семейные прогулки. Какой бы интересной ни была задуманная родителями программа выходного дня, завершалась она всегда, по просьбе дочери, Макдоналдсом. И счастливая Ксения не только с аппетитом ела свой чизбургер из коробочки с детским обедом, жирную картошку фри с соусом, запивая кока-колой, но становилась обладательницей незамысловатых детских сувениров, которые отдельно хранила на полке с игрушками.

Правда, Макдоналдса у Гостиного двора, как и самих Перинных рядов, в которых он открылся, тогда не было. Этот модный торговый центр открылся недавно. Ксения иногда заглядывала сюда. В Перинных рядах были интересные художественные салоны, где можно было найти уникальные украшения и вещи ручной работы, а еще интересные изделия из муранского стекла. В общем, это было неплохое место для поиска подарков. Мимо Макдоналдса она обычно проскакивала не глядя. Побывать в нем ей предстояло впервые.

В помещении торгового центра было тепло. Они поднялись на второй этаж. В помещении Макдоналдса, как обыч-

но, к кассам стояли очереди. Ксения с интересом огляделась. У столиков в нескольких местах компаниями сидела молодежь. Им было весело. Они громко разговаривали и смеялись. Наверное, студенты. Несколько молодых семей с маленькими детьми основательно разместились за столиками. Дети сидели в специальных стульчиках, либо бегали по залу. Были даже младенцы на руках у мам. Были здесь и бабушки с субботними внуками. Дети важно жевали и потягивали из трубочек колу, а бабушки влюблено смотрели на них и суетились: то салфеткой оботрут, то крошки соберут, то заботливо поинтересуются, не желает ли чадо еще чего-нибудь. В общем, атмосфера вокруг была непринужденная. Сюда явно не пробрался еще ноябрь. Здесь было всё как обычно!

Ксения вдруг почувствовала, что тоже проголодалась и, к своему удивлению, очень быстро сделала выбор: двойной чикенбургер и картошка фри с кисло-сладким соусом.

Ксения и Кирилл сели за столик для двоих у полукруглого окошка, за которым видны были галереи Перинной линии Гостиного двора. Место оказалось довольно уютное. С одной стороны – Петербург, с другой – шумный Макдоналдс, а напротив – лицо незнакомого человека, сегодня неожиданно ворвавшегося в размеренную жизнь Ксении.

Они с аппетитом жевали свои бургеры, обмакивали ломтики картошки в соус и запивали невкусным чаем (как обычно, «майским», не ноябрьским), чтобы согреться. Бургер Кирилла имел какое-то замысловатое название и был необъят-

ных размеров. Он держал его двумя руками, зажимая длинными красивыми пальцами, и старательно запихивал в рот, пытаясь откусить. Бургер сопротивлялся, куски разнообразной начинки вываливались из него, и это было очень забавно. Кирилл подхватывал их, что-то бурчал, словно выговаривал свой бутерброд, и, в конце концов, Кирилл и Ксения развеселились. Кирилл, несмотря на некий комизм ситуации, расслабился, как будто этот веселый бутерброд разбил внешнюю оболочку его скованности. Неловкость ушла, и разговор, который прежде был похож на собеседование в конторе, постепенно становился непринужденным.

Они говорили о всякой ерунде, смеялись. В то же время оба с интересом изучали друг друга. Лицо Кирилла можно было даже назвать красивым. Классические черты – тонкий длинный нос, брови вразлет, волевой подбородок и четкие скулы. Но мягкая линия рта и бархатная глубина темных глаз удивительным образом делали это лицо проще, словно размывали эффектность линий. Мужчина с такой внешностью должен быть дерзким и высокомерным, а Кирилл казался нежным и доброжелательным!

Они наелись и согрелись и уже сидели просто так, в удовольствии, как будто давно были знакомы. Иногда у Ксении мелькала мысль: «А что дальше?» Макдоналдс рано или поздно закончится.

- А пошли в кино? – вдруг предложил Кирилл.
- В кино так в кино, – ответила Ксения.

Сегодня всё было неожиданно и всё принималось. Потому что с утра не было ничего. Все события дня всё больше и больше казались Ксении каким-то сном. Как будто это происходило не с ней, не с Ксенией.

Кирилл достал из кармана телефон, чтобы посмотреть репертуар ближайших кинотеатров. И Ксения вдруг подумала, что это тот самый телефон, который столкнул их на набережной. В буквальном смысле.

Кирилл предлагал фильмы из репертуаров кинотеатров на ближайшие сеансы. Мультики, боевики, ужасы Ксения отвергла, качая головой. Комедии по описаниям не заинтересовали. В итоге выбрали мелодраму: «Грейс и Джо: история любви».

– Тогда побежали. У нас не так много времени, – заявил Кирилл и решительно поднялся.

Кинотеатр «Аврора» был совсем рядом. Но они оба задали стремительный темп, и Ксения не поспевала за длинноногим Кириллом. Когда нужно было спуститься в подземный переход, Кирилл взял Ксению за руку:

– А то потеряешься в толпе!

И у неё забилось сердце.

Фильм оказался красивый и романтический. События развивались в 20-е годы 20 столетия на Гавайях. Чувства маленького осиротевшего мальчика к дочке богатого плантатора развивались на фоне потрясающей красоты природы в

сопровождении приятной мелодии. Кирилл не выпускал из руки нежную ладонь Ксении с изящным маникюром и незаметно теребил ее пальчики на протяжении всего сеанса. Это волновало, будоражило и мешало вникнуть в сюжет, но было так приятно, что голова шла кругом, как после бокала искрящегося шампанского.

Потом они шли до метро. Ноябрь пытался напомнить о себе все той же утренней промозглостью. Короткий день заканчивался, и вечерняя мгла опускалась на город. Но теперь это было где-то в другой жизни. Этих двоих молодых людей окружал невидимый ареал, в который невозможно было пробраться извне никакому ненастью. Ксения уже не думала, что скоро метро и им придется расстаться. Они теперь были вдвоем и так естественно вместе вошли в метро, а вскоре незаметно оказались у дворовой арки её дома. И тут вдруг Кирилл остановился в нерешительности.

– Что ты? – спросила Ксения.

– Это твой дом?

– Да.

– Не хочу, чтобы день кончался!

– Так пойдем ко мне. Чай пить! – тихо засмеялась она и потащила Кирилла за собой.

– А ты с родителями живешь? – осторожно поинтересовался он.

– Да нет же, одна!

– Вот в этом огромном доме одна? – недоверчиво, но, уже

повеселев, спросил он.

– Да, да, пойдём.

Ксении было приятно, что он удивлялся и радовался.

Настроение поднималось вместе с подъемом в лифте. Они снова молчали и просто глядели друг на друга.

В квартире Кирилл вновь оробел.

– Это все твоё? – с недоумением спросил он, озираясь.

– Давай, располагайся уже на диване. Я сейчас чай сделаю.

Или тебе кофе?

– Кофе!

Ксения, улыбаясь, пошла на кухню. Утренняя промозглость исчезла из квартиры. Или куда-то спряталась. В душу теперь ей было не пробраться. Пока кипел чайник, Ксения приготовила Кириллу кофе. Плотная пенка аппетитно устривалась в чашке, аромат свежемолотого кофе потянулся по квартире. Окутанная этим ароматом Ксения вошла в комнату. Она наклонилась над столиком и поставила дымящуюся струйкой пара чашку на столик у дивана.

Кирилл нежно взял ее за руки своими длинными пальцами и привлек к себе. Сердце бешено колотилось. Она успела подумать: «Как странно, что это случилось в ноябре!» И, закрыв глаза, окончательно потеряла голову.

Где-то там, над темной Невой, широко распахнув свои золотые крылья, улыбался Ангел.